

Владимир Романовский
Инсула

детективная история

Владимир Дмитриевич Романовский

Инсула

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008871

ISBN 978-5-4474-1276-0

Аннотация

Детективная история, произошедшая в Санкт-Петербурге. Обычные люди в необычных обстоятельствах. Любовь, ненависть, жадность, драки и власть.

Содержание

Глава первая. Спокойствие	5
Глава вторая. Электра	15
Глава третья. В пути	20
Глава четвертая. Прозрачность	25
Глава пятая. Вестибюль	32
Глава шестая. О любви	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Инсула
детективная история
Владимир Дмитриевич
Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава первая. Спокойствие

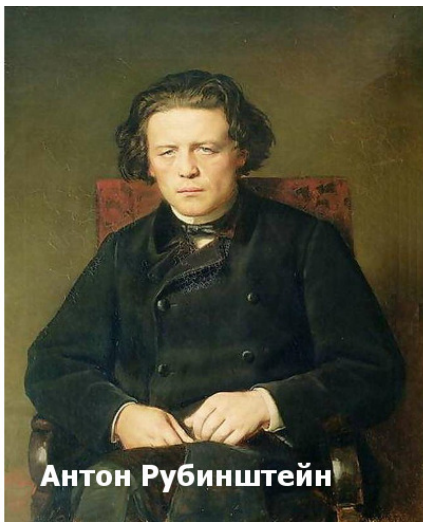
Мало кто из жителей северной столицы мог бы с уверенностью сказать, когда именно, в каком году, возвели на Московском Проспекте здание «общества с ограниченной ответственностью» и зловещим названием «Спокойствие», развалив для этого два дома. Некоторые ворчали, что вот, де, хорошие были дома, добротный «сталинский ампир», а построили вон чего. Так помнилось – что именно «сталинский ампир», а не барокко, неоклассика, или модерн. Даже какие-то белые колонны рисовались в памяти людей, дорические, и фронтоны с мощными барельефами над входами. Колесницы какие-то. С другой стороны – сталинский ампир и колесницы? Какие колесницы, зачем? Но, наверное, колесницы. Не паровозы ведь.

А новое здание заставляло почему-то прохожих нервничать, прятать глаза, засовывать руки в карманы пальто и курток, и пытаться думать о чем-то отвлеченном, о теплом взморье, о ласковом прибое, о проникновенной музыке времен романтиков, а то и ранее, об устрицах и белом вине, и веселых привлекательных особях противоположного пола вокруг. Восьмиэтажную коробку собрали из стали, бетона, и темного стекла, и высилась она, темная, неприятная, над Московским Проспектом надменно, будто презирала соседние дома, прохожих, сам Московский Проспект, весь город,

с которым не имела и не собиралась иметь ничего общего.

На пятом этаже здания находился просторный безликий кабинет Людмилы Сергеевны Рубинштейн: со множеством прямых углов и прямоугольной мебелью, с «дизайнерскими» светильниками по периметру, похожими на клизмы в водосточных воронках. Дабы не выглядел кабинет чересчур монотонным, на стену повесили фотографию в рамке: в светло-коричневых тонах, ретро, изображала фотография людную улицу времен Бель Эпок (по франко-американскому счету), с любопытными витринами и вывесками и громоздким трамваем в центре композиции.

Коллеги поговаривали, что Людмила Сергеевна является прямым потомком того самого Рубинштейна. Не польско-еврейского Рубинштейна, а русско-немецкого, который пианист. Впрочем, польско-еврейский Рубинштейн тоже был пианист. Но русско-немецкий был еще и композитор, и писал оперы. И почему-то принципиально отказался дирижировать премьерой фортепианного концерта Петра Ильича Чайковского. Наверное все-таки он был еврей. Хотя сама Людмила Сергеевна, когда к слову приходилось, сей факт отрицала. Обрусевший немец, звали Антон. И брат был, Николай. Также пианист и композитор. Но я им не родственница. И польско-еврейскому Рубинштейну тоже не родственница.

В. Перов. Портрет Антона Рубинштейна

Справа от стола Людмилы Сергеевны высилась симпатичная карибская пальма в кадке. В ствол пальмы по просьбе Людмилы Сергеевны два кряжистых таджика, переговариваясь по-таджикски, ввинтили два шурупа и повесили на них мишень для игры в дартс.

Сама Людмила Сергеевна была когда-то красивой женщиной, но ухаживала за собою на протяжении многих лет так тщательно и с таким упорством, что во всех чертах лица ее заключалась теперь легкая степень искусственности. Волосы свои – неизвестно, какого они были цвета изначально, а сейчас блондинистые – Людмила Сергеевна аккуратно подкра-

шивала в парикмахерской, и цементировала – иногда сама – специальным аэрозольным составом, придавая им нужную с ее точки зрения форму, с уклоном в ранний футуризм, а когда поправляла их, то делала это очень осторожно, концами указательного и среднего пальцев правой руки.

И вот теперь, в полдень, сидя за прямоугольным столом, Людмила Сергеевна улыбалась холодной улыбкой Рылееву – красивому мужчине под сорок, подтянутому блондину в элегантном костюме, уверенному в себе, с бесстрастным в данный момент выражением лица.

И говорила Людмила Сергеевна так:

– Объединение состоялось, Рылеев. Это теперь неотменяемый факт. Откровенно говоря, вступление новой администрации в права означает, что все, что происходило раньше, не имеет более юридической силы.

Рылеев спокойно отвечал:

– Мы ведь говорим о жилье. Дом квартирный, а в квартирах люди живут, Людмила. Люди. С чаяниями, предубеждениями, мыслями всякими. Из крови и плоти – люди. Жилье.

– Это в тебе говорят сословные предрассудки, Рылеев. В твоём возрасте следует быть более космополитичным. Квартира в пятиэтажной дыре в Купчино – жилье. Фанерный сарай у черта на рогах, за Ржевкой – тоже жилье, возможно даже отчий дом. А пятнадцать комнат, кои занимают целый этаж и стоят около миллиарда условных единиц – это, Рылеев, бесприигрышное капиталовложение, а не жилье. А то,

что в комнатах этих можно жить – если, конечно, хватает денег оплачивать услуги – это просто совпадение.

Говоря все это, она встала, обошла стол, и принялась прохаживаться туда-сюда, наклоняя голову из стороны в сторону, упражняя мышцы стареющей шеи. И продолжила:

– Дополнительная выгода тебе – если ты, конечно, сумеешь убедить остальных жильцов продать квартиры – получение процента от сделки. Сумма немалая. Я бы показала тебе графики, но ты нос воротишь.

Присев на край стола, она скинула один туфель и с удовольствием помассировала себе ступню. А Рылеев подумал, что надо бы встать, пожелать Людмиле приятного дня, и идти к чертовой бабушке по своим делам. Людмила – акула, он и сам он, Рылеев, акула покрупче любых людмил. И страшать тоже умеет. Он собрался было подняться, но именно в этот момент его посетило видение.

Он отчетливо увидел – лестницу, окружную, стилизованную под парижскую неоклассику, тусклый голубоватый свет от ночных контрольных ламп, себя, стоящего, схватившись за резные деревянные перила, в халате – и лежащий на лестнице этажом ниже чей-то труп. Лица трупа не было видно. Судя по очертаниям – женщина.

Видения посещали Рылеева не очень часто, но регулярно – с боевых времен еще, с того самого, первого, перед самой стычкой. В то время видение позволило Рылееву сохранить жизнь нескольким людям – которые ничего даже

и не заметили (и не надо). Рылееву был показан возможный вариант развития событий. Способ предотвратить этот вариант он нашел сам.

И с тех пор видения повторялись – раз в год или реже. Не всегда Рылеев понимал, что именно он видит, и не всегда находил способы предотвращения серьезных неприятностей. Но часто ему это удавалось. И никому он об этом не рассказывал.

Что за труп на лестнице? Чей труп?

Рылеев очнулся – видение мелькнуло и погасло, короткое, Людмила даже не заметила ничего. Он продолжал сидеть перед ней – спокойный, уверенный, бесстрастный.

Видение предупреждало об опасности. Какой? Что они задумали, эти подонки из Спокойствия, что им нужно, какие у них цели? Заставить жильцов выселиться. Зачем? Квартиры купленные, дому два года. Жильцы если и согласятся, то не вдруг. Жильцам можно хорошо заплатить. Но именно в данном случае Спокойствие платить не хочет, а хочет, чтобы он, Рылеев, жильцов уговорил. Именно он. Почему? Не из экономии, нет. Здесь что-то другое.

Рылеев сделал вид, что смотрит на Людмилу оценивающим взглядом. Она холодно улыбнулась в ответ. Никакого особого почтения эта женщина ему не внушала. Помнились какие-то прошлые года, и думалось – как это из восторженных девушек с широко распахнутыми глазами, шелковыми волосами, упругой грудью, приятным запахом, улыбчивых,

доверчивых, получают ся со временем вот такие вот особы.

– Слушай, Людмила...

– Ну?

– Помнишь, о чем мы с тобой мечтали в институте?

Людмила Сергеевна сняла и другой туфель, и начала массировать другую ступню. Туфли ей жали. Торчали косточки – признак ношения обуви не по размеру, обуви, которую носят женщины, будучи уверены, что она, обувь, делает их более привлекательными; привлекает мужчин, а привлеченный мужчина – это мужчина, которого можно контролировать; а также женщины, делающие карьеру. Основания те же.

Подумала Людмила Сергеевна – куда это он клонит? А потом сообразила, что никуда он не клонит, а что-то вспомнил, и, отвлекшись от делового разговора, желает обсудить. Трудный человек. Своевольный человек. Она переспросила на всякий случай:

– Мечтали? В институте?

– Да.

Перестав массировать ступню и с рассеянным видом разглядывая ухоженные свои ногти, Людмила Сергеевна сказала:

– Это ведь так давно было, Рылеев! Мы были наивные. Реальность, как видишь, оказалась лучше любой мечты. – В голосе зазвучал деловой энтузиазм: – Сам посуди, Рылеев. Трезво посуди. Думала ли я, что буду зарабатывать больше тридцати миллионов в год еще до того, как мне испол-

нится сорок? Да еще и работая в «Спокойствии»? А ты – думал ли ты, что будешь известным банкиром? Ты ведь кто был тогда? Романтик, потенциальный неудачник. Волосы лохматые, джинсы рваные. – Словно спохватившись, а на самом деле сочтя, что дальнейший разговор в этом ключе может помешать достижению цели, она снова заговорила суровым голосом: – Тему не меняй, пожалуйста. С другими жильцами говорил?

Рылеев вспомнил, что секретарша заказывала вчера два билета в Мариинку на конец месяца – а пришло ли подтверждение? Он вытащил телефон, сказал —

– Прошу прощения, это важно, —

И открыл почту. Подтверждение пришло. Удовлетворенный, Рылеев спрятал телефон в карман и выпрямился в кресле. Людмила ждала ответа.

– Подумаю. Может и поговорю.

Людмила Сергеевна скептически спросила:

– Обещаешь? – и с иронией, изображая строгость, добавила: – Не забудь, сроки ограничены, а за непослушание налагаются штрафы.

Что у нее за должность, как высоко ее положение в этом заведении, подумал Рылеев. Действительно ведь грозит! По наущению или по собственному почину?

Улыбнувшись саркастически, она спросила:

– Как банковские дела, Рылеев? Идут потихоньку?

– Да, нормально.

– Точно? Можешь мне довериться, я никому не скажу.

– Я подумаю, Людмила. И дам тебе знать. Приятно было опять тебя увидеть. До свидания.

Он встал – стройный, спортивный, в роскошном костюме, кивнул ей, и вышел из кабинета.

Телефон на столе мелодично зазвонил. Людмила Сергеевна нажала кнопку. Из динамика зазвучал саркастический голос Куратора:

– Хорошо прошла встреча.

Людмила Сергеевна откликнулась, тоже с сарказмом:

– Как ожидалось.

Куратор помолчал, а затем сказал мрачно:

– Ни хуя он не сделает. Нужно его покрепче прижать.

Людмила Сергеевна закатила глаза, вздохнула, и кивнула телефону.

– Не его одного.

– Вы дружили в школе? Он был твой бойфренд?

– Нет. Да. Был. В институте. – Подумав, она добавила мрачно: – Собирались пожениться.

– Да ну? И что ж случилось? Не важно, не отвечай, не хочу вмешиваться в твою личную жизнь.

– Он поступил в семинарию.

Это развеселило Куратора.

– Прости, как? Куда он поступил?

– В семинарию. Хотел стать священником.

Тогда, в юности, она решила, что это просто повод ее бро-

силь. И только по прошествии нескольких лет поняла, что это не совсем так.

Людмила села в кресло, закинула ноги на стол, заложила руки за голову – осторожно, чтобы не повредить прическу, и прикрыла глаза. Серьезный человек – Рылеев. Банкир, ходящий по улице без охраны, уверенный, что ничего с ним не случится – слишком много людей завязано в его делах, и даже его ненавистники ни на что не решатся – себе дороже. Сломить его волю – дело нелегкое. Предстоят трудности. Но тем оно и интереснее, и тем желаннее главный приз в конце игры.

Глава вторая. Электра

В лифте оказалось много народу, но Рылеева это не огорчило. Вместе с ним в лифт зашли еще двое – мужчина и женщина, из разных отделов. Женщина полная, щекастая, лет двадцати пяти, с озорным выражением лица, с вздернутым носом, с подкрашенными светлыми кудряшками. Рылеев, вежливый, улыбнулся ей. Двери закрылись, лифт поехал. В этот момент Рылеев почувствовал прикосновение женской руки к его, Рылеева, ладони. В руку ему вкладывали записку.

Стало забавно и интересно – что же дальше? Девушки и женщины часто с ним заигрывали, но не таким романтичным способом. О романе на стороне речь не шла – Рылеев был классический однолюб, обожающий жену. Интерес, следовательно, совершенно праздный. Но настойчивый.

Лифт еще один раз остановился, кто-то вышел, кто-то вошел. Толстая женщина тоже вышла. Рылеев развернул одной рукой записку и глянул вниз. Написанная мелким но очень разборчивым, и даже красивым, почерком, гелиевой ручкой на квадратике бумаги для заметок, записка содержала следующее:

«Вы в опасности. Ждите меня в кофейнике через десять минут. Закажите мне булочку».

Рылеев скомкал записку и незаметно сунул в карман. Вызвать, что ли, охрану? С другой стороны, если бы его хотели

убрать, то до лифта бы он, скорее всего, не дошел бы. Зачем? Просторный безликий кабинет. Людмила отлучается в уборную. Входят человека три.

Он вышел из мрачного здания Спокойствия. Стоял солнечный июльский полдень. Рылеев посмотрел в сторону припаркованного неподалеку вуатюра, отрицательно мотнул головой, и чуть приподнял руку, давая шоферу понять, что нужно подождать. Дойдя до угла, он пересек проспект в положенном месте, чтобы не привлекать лишний раз внимания. Мимо пронеслись на складных велосипедах какие-то подростки и проехала на обычном, не складном, велосипеде дама с рюкзаком за плечами, с седой коротко остриженной головой, в штанах цвета хаки, плотно облегающих массивную ее жопу. Рылеев зашагал по тротуару к «кофейнику». Он неплохо знал район, и помнил, что «кофейник» здесь только один.

Бегло осмотрев столики на улице под козырьком, Рылеев зашел внутрь. И заказал себе то, что было обозначено в меню как «эспрессо класико» (оказалось – обычный эспрессо, неплохой) и «круассан классический» (вместо булочки) и, на всякий случай, «свежевыжатый сок» и «чиз-кейк Нью-Йорк» (в меню объяснялось, что данный чиз-кейк состоит из сырного крема «Филадельфия», сливок, яиц, сахара, и крекера).

Вскоре к нему за столик влезла та самая массивная женщина из лифта и сразу стала есть чиз-кейк, тщательно обли-

зывая ложку и не глядя на Рылеева.

– Это вы пошутили так? – спросил Рылеев.

– И не думала я шутить, – откликнулась женщина, и подняла, наконец, на него глаза. – Очень вкусно, спасибо. Сок я не пью, говорят – вредно. Сами пейте. А кофе ваш я, пожалуйста, выпью. Вы меня не помните?

Он ее не помнил.

– Электра меня зовут. Не смейтесь, терпеть не могу.

– Я и не думал смеяться.

– Два года назад мы с вами встречались. В конференц-зале, в Спокойствии. Я была вся растрепанная и не очень толстая. У мужа были неприятности. Вы нам помогли.

Теперь Рылеев вспомнил. Действительно – в тот день у него сделалось сентиментальное настроение из-за грядущих именин супруги. Электра рассказала ему, что у мужа после аварии с лицом не все хорошо, перекошенный он, со шрамами, в общем – страшноватый. И очень страдает из-за этого, кричит на нее, Электру, и постоянно в тоске. Рылеев сказал ей тогда, что мог бы порекомендовать хорошего специалиста, имея в виду своего одноклассника Вадика Либермана. Электра сообщила, что денег нет. Рылеев в благородном порыве выдал «Ничего страшного, он мой друг, договоримся, я заплачу». А слово не Кочубей – и определенные принципы у Рылеева сохранились еще с юности. Поэтому с Либерманом он договорился, а когда Либерман ему позволил и сказал, что все прошло успешно, Рылеев с ним встре-

тился и все расходы оплатил.

Теперь он сказал:

– Да, помню. Как муж, ничего, не тоскует больше?

– Муж от меня ушел. После операции стал похож на актера из «Майских Недель». Вы смотрите «Майские Недели»?

– Нет.

– Повстречалась ему одна небрезгливая шлюха, хохлушка, опутала и увела.

– Соболезную.

– Ничего, наоборот, все к лучшему. Я, правда, растолстела, но зато спокойно дома стало. Характер у мужа моего бывшего отвратительный. А я с тех пор нашла себе парня скромного, застенчивого. И хозяйственный, и готовить умеет. Когда футбол смотрит, не орет, мебель не ломает. Вы любите смотреть футбол по телевизору?

– Нет.

– А в Спокойствии я работаю бухгалтершой. И знаю многое, чего знать не положено. Вы мне помогли, и я вам теперь помогаю. Съезжайте, господин Рылеев, из вашего дома, чем скорее, тем лучше.

Она положила в рот кусок чиз-кейка, прожевала, откусила кусок круассана классического, тоже прожевала, и продолжила:

– У начальства нашего сроки и планы. Им всегда все срочно нужно, и они запросто пойдут по головам, и ничего им за это не будет. Возможность, что вы послушаетесь и съеде-

те, есть – но они готовятся заранее ко всем возможностям, и наверняка уже обо всем договорились – когда вы исчезнете, из какого именно места, и что именно об этом сообщат в СМИ. Вы новости по утрам смотрите?

– Нет.

– Тела не найдут, господин Рылеев. Вы, конечно, можете подумать, что меня к вам подослали, чтобы ускорить процесс вашего выезда из дома. Думать так – ваше право. Но я вам сказала то, что должна была сказать. Вы хороший человек, и будет неприятно, если вас убьют. Всего вам доброго.

Она залпом выпила «экспрессо класико», легко подняла массивные свои формы со стула в вертикальное положение, и быстро вышла. Рылеев, опытный, подождал еще пять минут. И позвонил шоферу.

Глава третья. В пути

Слегка припекало. Пашка, молодой кряжистый шофер слегка бандитского вида, подрулил к поребрику, выскочил, и открыл перед Рылеевым заднюю дверь черного вуатюра. Взглянув на проходившую мимо симпатичную шатенку в фиолетовых шортах (она заметила и улыбнулась ему), Рылеев сел в прохладный вуатюр.

Некоторое время он просто сидел, держа спину прямо и глядя в пространство. Пашке это надоело, и он спросил, обернувшись:

– Все в порядке, шеф?

Рылеев перевел на него глаза.

– А? Да, Пашка, все замечательно.

Вот же сука, подумал он. Тошнит меня от одного ее вида. А ведь столько лет прошло. И повторил вслух, сам себе:

– Сука.

Пашка кивнул понимающе, и сказал:

– Понимаете, шеф, в этой жизни только...

Рылеев его перебил:

– Перестань подхалимничать, Пашка. Ты тут весь день собираешься стоять? Может, что-то не так с мотором?

Пашка обиделся. Как все люди с ограниченными интересами, он часто обижался там, где обиды никакой не было. Сказал:

– Слушаюсь.

Включил скорость и поехал по проспекту, надутый. Это тоже не понравилось Рылееву.

– За обиженное выражение лица я тебе не плачу, а бесплатных услуг мне не нужно.

В зеркале заднего обзора он увидел, как Пашка закатывает глаза.

– И глаза не закатывай. На дорогу смотри. Так безопаснее.

Обогнав троллейбус, везущий в центр окраинных плебеев, Пашка переключил скорость и помчался к Московским Воротам, сооруженным в девятнадцатом веке в честь славной победы русской армии над турецкими полчищами. Образцом для Московских Ворот послужили Бранденбургские Ворота в Берлине, автор которых вдохновился пропилеями Акрополя в Афинах. Рылеев подумал, что пропилеи красивые, а ворота – и Бранденбургские, и Московские – не очень. Какие-то нелепые.

И в этот момент его посетило еще одно видение – он сморщился как от боли и зажмурился. Видение было такое:

Вот этот самый вуатюр, в котором они едут, втемяшивается вдруг на полном ходу в выскочивший из-за угла грузовик. Звук удара оглушающий. Вот Пашка – на носилках, несут его санитары в карету скорой помощи. Вот сам он, Рылеев – в синяках, окровавленный, придерживающий правую руку, но к счастью – ходячий, стоит на тротуаре и чувствует себя неловко. Видение исчезло. По домам вокруг Рылеев понял,

что длилось оно долго. Такого раньше не было – чтобы видения посещали его дважды в день. Даже дважды в год не посещали. Он окончательно пришел в себя, потерял глаза, и велел Пашке:

– Останови здесь.

– Шеф, всего несколько кварталов...

– Останови. И выйди.

Стоя на тротуаре, Рылеев подождал, пока Пашка выберется из-за руля. Пашка ужасно удивился, когда Рылеев достал бумажник и начал по одной отсчитывать и передавать ему крупные купюры. С каждой купюрой пашкино удивление выглядело все естественнее и вскоре сменилось плохо скрываемой радостью.

Рылеев сказал:

– На сегодня ты свободен. Руководству ничего не говори. Иди домой. Вуатюр оставь здесь.

Умасленный Пашка решил проявить ответственность:

– Блюстителю заинтересуются и увезут.

– Скорее всего именно так они и поступят, – согласился Рылеев. – Ну так пойдешь завтра к ним в огород и вызволишь. Увоз, штраф, и хранение – вот, как раз укладываешься в сумму.

Пашка прикинул что-то и сказал:

– А может, я его просто в гараж поставлю, а, шеф? В гараж – самое милое дело.

– Нет, не может, поскольку тебе только что было велено

этого не делать. Увидимся завтра, спозаранку. Если, конечно, у тебя нет других планов. Есть у тебя другие планы, Пашка?

– Нет.

– А скажи пожалуйста, Пашка, тебе не кажется, что я веду себя с тобой как говно?

Пашка быстро ответил:

– Не кажется, шеф. Что вы.

– И мне не кажется. Ну, пока, Пашка.

– До свидания, шеф.

И Рылеев ушел.

Зазвонил мобильник. Пашка вынул его из кармана и некоторое время на него смотрел, одновременно передразнивая Рылеева, но говоря при этом фальцетом:

– Веду себя с тобой как говно, какой я крутой, какой ты ничтожный ... – Добавив обычным голосом, – Говно и есть, козел, блядь, – он включил связь и сказал раздраженно в телефон:

– Ну?

Голос в телефоне сказал деланным простонародным говорком:

– Ох-хо, Пашка, как дела, фрателло? Семья в порядке? Мучачи не жалуются, триппер не подцепил? Слушай, куло, внимательно. Очень внимательно слушай. С предельным вниманием. Есть один новенький Лейер Плейер, шестая версия, вывалился из кузова при транспортировке. Триста зеле-

ных – и он твой. Что скажешь, брателло?

– Наличных мало сейчас. Может к следующей пятнице...

Но именно в этот момент он вдруг посмотрел на деньги в кулаке и запнулся. Чуть подумав, сказал:

– Погоди.

Прижимая телефон к уху плечом, он быстро отсчитал из денег, данных ему Рылеевым, нужную сумму, и посмотрел на оставшиеся. Сказал тихо сам себе, глядя на правую руку:

– Его.

Переведя взгляд на левую, закончил мысль:

– Мои.

И сказал в телефон:

– Ладно, хули там. Встречаемся где обычно?

Договорившись, он посмотрел в перспективу улицы, проверяя, действительно ли ушел Рылеев, или следит за ним из-за угла, падла. Рылеев не следил. Тогда Пашка залез в вуатюр и включил мотор.

Глава четвертая. Прозрачность

Прозрачность – так называлось, совершенно официально, здание, состоящее из шести этажей, шестиквартирное, каждая квартира занимала целый этаж. Сталь, бетон, затемненное стекло – почти как «Спокойствие», но с зеленоватым оттенком затемнение. Здание примыкало к восьмиэтажному отелю, построенному десятью годами ранее по стандартному проекту, без излишеств. В отеле наличествовал бар, и соединялся бар с вестибюлем Прозрачности дверью с компьютерным замком – для удобства ее, Прозрачности, обитателей. Вид с улицы – козырек над входом в отель и бар, вывеска в окне – «Катькин Бюст», над надписью улыбающееся девичье лицо, и не очень понятно, при чем тут бюст, никакого бюста на картинке нет, и что за Катька, уж не Екатерина ли Вторая. Но нет, Екатерину лицо на вывеске нисколько не напоминало, и одноименных легенд кинематографа тоже.

Д. Левицкий. Портрет Екатерины Второй

Справа от входа в Прозрачность располагался въезд в подземный гараж с дверью, поднимающейся вверх с помощью мотора, с дистанционным управлением.

Рылеев постоял возле дверей Прозрачности, поколебался, и направился ко входу в отельный бар. Остановился у входа, вытащил телефон.

Черты лица его смягчились, на губах появилась озорная улыбка – Рылеева стало не узнать. Действовала непосредственная близость домашнего очага. Вне этой близости Рылеев себе такого не позволял. Изменился и голос, став лас-

ковым, чарующим:

– Алё, высочество высочайшее! Не присоединиться ли вам к верному вашему пажу, ждущему вас в Катькином Бюсте?

На другом конце отозвались:

– Полчаса. Дай мне полчаса.

– Федотова, дорогая моя, целые страны завоевывались, бывало, в меньшие сроки. А в душ ты и потом можешь сходить.

– Рылеев, у меня голова в пене. Подождешь, авось не растолстеешь. Поотжимайся пока что от пола, раз тебе делать нечего.

– Ага. Ну, хорошо.

В баре болталась дюжина клиентов, о чем-то трепались. Выделялся сидящий у стойки Цицерон – стройный смуглый мужчина небольшого роста, в безупречном костюме, с черными волосами и кавказскими чертами лица. Всякий раз, когда Цицерон снисходил до разговора с другими представителями человечества, а снисходил он часто, потому что был по натуре снисходителен, дикция его поражала неподготовленных своею чистотой, а бархатный баритон очаровывал, звучал даже приятнее рылеевского. В данный момент Цицерон корпел над какими-то бумагами, разложенными на стойке, время от времени отпивая виски из тамблера. Встретились взглядами. Цицерон кивнул, и Рылеев подошел и сел на стул рядом с ним.

– Цицерон, – сказал Рылеев бодро.

– *Рылеев.*

Цицерон произнес фамилию собеседника с большей тщательностью, чем того требовала ситуация. То есть, с легкой издевкой. Таким же образом он произносил вообще все имена и фамилии, а также некоторые слова в предложении – вроде бы наугад выбранные.

Подошел бармен и посмотрел вопросительно. Рылеев повернулся к нему.

– Как обычно?

– Да, пожалуйста.

Повернувшись снова к Цицерону, Рылеев сказал полувопросительно:

– Работаете в длинный викенд?

Подняв одну кавказскую черную бровь, а другую оставив на месте, Цицерон критически окинул взглядом бумаги и сообщил:

– В отпуску работаю. Думал я исчезнуть на пару недель. Заслужил. Но пришел дебильный тропический ураган и учинил полнейший бардак на дебильном острове, который я собирался украсить своим присутствием. Аэропорт острова закрыл лавочку, на время или навсегда – не знаю.

– Мало, что ли, островов на свете?

Бармен поставил перед Рылеевым тамблер с виски. Цицерон криво улыбнулся.

– Понимаешь, *Рылеев*, моя так называемая *герлфренд* все

обдумала своим так называемым *умом*, и теперь либо Парадайз Айленд, либо убейся об стену. Если бы мы поехали в другое место, *она* бы меня не бросила, разумеется – это было бы с ее стороны слишком резонно и гуманно – но продолжала бы предоставлять мне *доступ* к обворожительной своей плоти, в то же время лелея враждебные чувства в жестоком сердце своем. Женщины никогда тебе не скажут толком, чего именно они возжелали. Во-первых потому, что сами не знают, а во-вторых их любимая стратегия – увиливать, недоговаривать, и смотреть, не будет ли им от этого выгоды. И вот я здесь, работаю и жду, жду.

Бармен презрительно фыркнул. Цицерон и Рылеев даже не посмотрели в его сторону. Бармен, человек с ограниченными интересами, обиделся и отошел к другим посетителям. Цицерон же продолжал:

– И в данный момент я разражен, поскольку я люблю быть оригинальным во всем, а это трудно, когда все обитатели дома сидят в вестибюле и тоже чего-то ждут, ждут.

Все обитатели? Рылеев не понял, что имеет в виду Цицерон. Нахмурился. Подумал. И спросил:

– Какие обитатели? Какого дома?

Цицерон с готовностью объяснил:

– А все наши соседи, кроме супруг Кипиани. Все остальные. Ждут. Либерманы, оперная блядь, и госпожа Дашкова. Вот и ты подошел, и скоро твоя обожаемая жена к тебе присоединится. Впору думать о заговоре.

– О каком заговоре?

– Ты веришь в совпадения, Рылеев?

– Как тебе сказать...

– Всем нашим так называемым *соседям* следовало убрать-ся из города на викенд, как они это обычно и делают. На природу, на травку, на песок, в горы. И тебе, кстати, тоже! И вот вдруг, ни с того ни с сего – кто-то что-то отменяет, переносит на будущий месяц, не сложилось, не состыковалось, накладка, плюс приступ лени – все это возникает у всех в один и тот же день, неожиданно-непрошено, как герпес, а центральный кондиционер сломался. Обитатели расселись в вестибюле, посылают смс-ки, хлебают дринки, потеют, и не уходят. Ждут. Чего ждут – сами не знают.

Рылеев удивился:

– Кондиционер сломался?

– Да, представь себе. Глупая придумка, как и все остальное в этом так называемом *доме*. Центральный! Я бы сбежал и купил комнатный кондиционер, но его *вставить* некуда, внешние стены все стеклянные, из-за чего энергии уходит на охлаждение летом и отопление зимой в три раза больше, чем в любом другом доме.

Удачный момент, подумал Рылеев. Вот как раз сейчас его и надо ... заинтересовать. Обещал ведь Людмиле подумать. Запустим пробный шар и посмотрим, что из этого выйдет.

– Ну, раз тебе здесь так плохо...

Цицерон возмущенно его перебил:

– А тебе не плохо? Какой нормальный человек захочет жить в блядской стеклянной коробке, а, Рылеев?

– Переехать не хочешь?

Подозрительно на него посмотрев, Цицерон ухмыльнулся, отпил виски, и поставил стакан на стойку двумя холеными пальцами. И спросил:

– Это твоя сука из конторы тебя подбивает? Говорить с соседями на эту тему?

Рылеев улыбнулся обезоруживающе:

– А ты откуда знаешь?

Цицерон встал, взял снова стакан, и кивнул Рылееву, чтобы тот следовал за ним. Набрав на компьютерном замке код, Цицерон открыл дверь и пропустил Рылеева в вестибюль Прозрачности.

У себя в «комнате контроля» портье Василий, тезка Рылеева, грузный человек лет пятидесяти, перестал играть с компьютером в «догони подлого зайца» и воззрился на монитор, над которым вспыхнул красный сигнал, оповещающий Василия, что дверь, ведущая из бара в Прозрачность, открыли. Увидев Цицерона и Рылеева, портье кивнул самому себе и вернулся к игре.

Глава пятая. Вестибюль

Общий стиль убранства просторного вестибюля являл собою смесь «суперсовременной» стилистики и представлений дизайнера (убогих, по мнению Цицерона) о неприличной роскоши. Несколько футуристических бордового цвета диванов расположились по периметру. Вдоль одной из стен стояли неровной шеренгой сплюснутые коринфские колонны. Действующий камин выдержан был в классическом английском стиле. На одной из стен висел оригинал картины Джеймса Уистлера «Портрет Мисс Кордер» в тяжелой золоченой раме.

Дж. Уистлер. Портрет Мисс Кордер

Между диванами – непременно, модные в тот год, пальмы в кадках. Под потолком слегка пародийная стилизация люстры, изображенной на картине Адольфа Менцеля «Кон-

церт для флейты с Фридрихом Великим».

А. Менцель. Концерт для флейты с Фридрихом Великим

В углу помещался концертный рояль, увенчанный вазой и фотографией карибского, в тон пальмам, восхода в пластмассовой рамке. А также лежала на рояле стопка книг. Кто ее туда положил – неизвестно, вчера не было.

На одном из диванов сидела пара со второго этажа: Вадик Либерман – перманентно усталый рыжий мужчина с брюшком, средних лет, и его жена, Светлана, тоже средних лет, полная темноволосая женщина с резкими чертами лица, не красавица и не уродина. Вадик что-то изучал на экране

компьютера-планшета. Светлана посылала по телефону тексты своей подруге, жалуясь на жизнь. Дети Либерманов – мальчик и девочка – проводили летние каникулы в субтропиках, в специальном заведении для детей из состоятельных семей.

А напротив них разместилась господа Дашкова, дама возрастом около девяноста, с увлечением читающая экономический журнал.

Цицерон, неся в руке тамблер с виски, говорил:

– ... ведет, похоже, все дела в Спокойствии – так получилось, что она твоя бывшая, и поэтому ты думаешь, что можешь ей *доверять*. Удивляюсь я тебе иногда, *Рылеев*. Странный ты.

Рылеев спросил:

– Это ты о чем?

– Дорогой мой друг и одноклассник, я всегда тщателен – это у меня с рождения. Я проверил. До объединения в «Спокойствии» базировались два так называемых строителя. Друг друга они ненавидели, но кое-что делали сообща. Давали взятки епископу, и целой куче народу в городской администрации, *каждый* год, только бы церква не получила статус исторического памятника. Оба хотели ее снести. Один – чтобы построить это наше так называемое люкс-здание, в коем мы с тобою, типа, *живем*, другой чтобы возвести на этом месте жилой небоскреб, потому что не бывает слишком много жилых небоскребов в одном квартале. Один

из упомянутых подонков прозывается Александр Миронов, другой Александр Кац. Не помню, кто из них кто, потому что это не имеет значения. После объединения один из них стал главным управителем, а второй . . . не важно. Ну так вот, Рылеев, можешь сказать Миронову, или Кацу, чтоб они оба еблись в рот в любом выбранном ими месте в любое удобное для них время, ибо лично я никуда переезжать не собираюсь.

Он подошел к роялю, снял с него вазу и фотографию, и поставил и то, и другое на пол.

Из глубин дома послышалось пение оперного сопрано – гаммы, почему-то прерывистые. Не обращая на внимания на гаммы, Цицерон пониженным тоном сказал Рылееву:

– Надо бы все-таки объяснить людям, что рояль – музыкальный инструмент, а не кофейный столик и не полка. И водружение на рояль пошлых посторонних предметов есть проявление дурного вкуса, кое следует карать публичной поркой на площади.

Рылеев удивился:

– Ты что, полюбил вдруг музыку?

Цицерон живо откликнулся:

– Ненавижу по-прежнему. Особенно так называемый «Ноктюрн» в ми-бемоль, авторства пана Шопена. Тем не менее, моя нелюбовь к роялю – это одно, а эстетика – совсем другое. Здравствуй, прекрасное создание.

Рылеев повернул голову – посмотреть, к кому обращается Цицерон. Через вестибюль к Цицерону бежала, жуя резин-

ку, босоногая Мими, блондинка двадцати шести лет, стройная, с мальчишескими повадками, в одежде, которая больше подошла бы семнадцатилетней девочке: новая любовница. Не вынимая резинки изо рта, она поцеловала Цицерона, после чего сразу кинулась к дивану, села на него с ногами, и занялась посылкой текстов по телефону.

Продолжая беседовать с Рылеевым, Цицерон перебрал книги на крышке рояля, вытащил из стопки небольших размеров томик – *Невинные за границей*, Марка Твена – и направился к Мими, продолжая говорить:

– Беда всех умных людей, Рылеев, в том, что всю свою жизнь они окружены дебилами, которые прекрасно понимают друг друга, но совершенно не понимают, завистливо боятся, и ненавидят всех, у кого есть, типа, *ум*. В смысле интеллект.

Плавным жестом вынув телефон из руки Мими, он вложил в эту руку книжку.

Поющее в глубинах дома оперное сопрано смолкло.

В тишине, без аккомпанемента, Цицерон продолжил, обращаясь к Рылееву, а не к Мими, возле которой стоял:

– Забавно, я бы даже сказал, комично, что именно дураки всегда оказываются на всех ключевых позициях. Ну, титульная нация – понятно. Если умный русский пытается встать на ключевую позицию, тут же прибегают двадцать дураков, крича «Больно умный нашелся!» Такая традиция, старая. А меньшинства? Взять хотя бы евреев. Почему, если еврей

начальник, то непременно дурак? И почему умным евреям это не обидно? Про хачей я уж и не говорю, у них, то есть, у нас – стандартная пропорция – чем больше власти, тем меньше ума, так было всегда.

Рылеев обменялся приветственными кивками с госпожой Дашковой (он ей нравился, и она оторвалась ради этого от журнала) и помахал рукой Либерманам. Светлана холодно кивнула, а Вадик мрачно поднял брови, давая Рылееву понять, что супруга уже успела закатить ему сегодня скандал, возможно даже не один, и ему очень скоро придется ее задушить, поскольку выхода нет.

Мими с Марком Твенном в руке смотрела на Цицерона удивленно. Он пожал плечами и снова присоединился к Рылееву у рояля. Рылеев возразил:

– Но вот, к примеру, я – начальник.

– И что же?

– Ну, все-таки.

– Ты хочешь сказать, что ты не дурак? Нет, по сравнению, скажем, с *Вадиком*, ты может и не совсем дурак. Впрочем, не знаю. Это не важно. – Цицерон понизил голос и заговорил твердо: – Никуда я отсюда не съеду. Ты, Рылеев, не представляешь себе, что мне пришлось *пережить*, чтобы получить уютный уголок в этом дурацком аквариуме. Я апеллировал к родовым чувствам хачей, давил на остатное чувство вины русского чиновника – сказал ему, что хотя бы один хачара должен же жить в здании, если просится, иначе неприлич-

но. Я закидал взятками целый взвод каких-то самодовольных застройщиков; мне пришлось упоминать историческую русскую терпимость по отношению к хачам, и прочая, и прочая, унижаясь, кривя душой, дабы получить место в списке. Заодно и тебя с Вадиком, кретинов безмозглых, в список пристроить. Вадик очень просился, у него совершенно нет вкуса, а ты не просился, но ты ... хмм...

– А я – русский, – подсказал Рылеев.

– Именно. Должен же быть в здании хоть один исконно русский мужик, а то ведь разговоров не оберешься. А у меня клиентура.

Он снова, продолжая говорить, отошел от рояля и направился к госпоже Дашковой, которая начинала клевать носом и журнал – вот-вот выпадет из рук.

– Стоила ли игра свеч? – риторически спросил Цицерон, обращаясь все так же к Рылееву. – А как же! Благодаря моим усилиям я теперь не просто «сутяга, не проигравший ни одного дела за десять лет» или «тот пронырливый хачара».

Он успел поймать журнал, который госпожа Дашкова наконец-то выронила (и проснулась), и вручил его ей, не прерывая монолог.

– Любой ожиревший олигарх в этом городе и окрестностях, у кого на счету больше десяти миллионов зеленых, а на руках тяжба, знает, что может нанять очень хорошего адвоката. Или очень известного адвоката, тоже хорошего. Или же, если ему очень повезет – «того черножопого из Спо-

койствия». Визитная карточка, Рылеев! Так что, видишь ли, Рылеев, нельзя мне отсюда съезжать, никак нельзя. Половину дохода потеряю.

Рылеев поставил стакан с виски на крышку рояля. Цицерон укоряюще на него посмотрел. Спohватившись, Рылеев убрал стакан с крышки.

В этот момент Светлана Либерман закричала истерически:

– Прекрати сейчас же!

Вадик, супруг ее, поднял глаза от компьютерного планшета который, скорее всего, и являлся источником раздражения супруги. Спросил устало:

– Что прекратить? Поточнее выразиcь, будь добра.

– Ты что, издеваться надо мной вздумал? Сволочь! Я твоя жена, подонок. Я подарила тебе лучшие годы жизни и двух неблагодарных детей. Что же я, внимания не заслуживаю потвоему?

Вадик положил планшет рядом с собой на диван. Светлана от него отвернулась. Он спросил:

– Тебе хочется поговорить?

– Совершенно не хочется.

– Тогда, может быть, прогуляемся? Погода хорошая, на Фонтанке прохладно.

– Нет.

– Ну так, ради всего святого, что тебе нужно? Что?

– Оставь меня в покое.

– Ну так ведь именно это ... ведь я тебя не беспокоил только что. А ты недовольна.

– Ты бессердечная свинья, Вадик. Просто скотина. Зачем я вышла за тебя замуж? Почему? Ради чего?

Вадик, подумав, предположил:

– А ... хмм ... может потому, что у меня хуй большой?

Светлана надула губы, а Вадик опять взялся за планшет.

– Тебе на меня насрать, – с горечью заключила Светлана. – Тебе и на детей насрать. Тебе все безразличны. Что ты там опять делаешь? Ты что делаешь, дрянь ничтожная, подонок?

Он попытался сконцентрироваться на информации в планшете. Светлана пришла в ярость, выхватила у него планшет и швырнула через весь вестибюль. Вадик возмущенно закричал:

– Я там читал – важные медицинские новости!

Мстительным саркастическим тоном Светлана закричала в ответ:

– Ах, ах! Мне не должно быть все равно? Бедный страдалец Вадик! Его жестокая бескультурная жена только что на глазах у всех загубила всю его многообещающую карьеру!

Она вдруг замолчала, потому что со стороны лестницы в вестибюль вошла, отрешенно рыдая, Амелита, женщина лет тридцати пяти, полноватая, миловидная – обитательница третьего этажа. Спотыкаясь, будто не замечая ничего и никого вокруг, она проследовала к роялю. Вадик одними глазами следил за проходом Амелиты, а Светлана следила не скрыва-

ясь. Мими нахмурилась, пытаюсь сообразить, что могло так растревожить рыдающую. Цицерон и Рылеев отошли в сторону, уступая Амелите дорогу. Госпожа Дашкова не обратила на Амелиту внимания.

Амелита перестала рыдать, пробормотала что-то, возможно слова благодарности, сопровождала их восклицанием «О Господи!», отодвинула рояльную скамью в сторону, открыла крышку, наклонилась над клавиатурой, держась одной рукой за крышку, чтобы не упасть, и попыталась одним пальцем наиграть мелодию, и одновременно ее спеть:

Andante Lento Appassionato ♩ = 40

зна-я толь-ко любовь и искус-ство, лю-дявре-да я не при-но-

си-ла!

Дж. Пуччини. Фрагмент из оперы «Тоска»

– Зная только ... любовь и искусство ... Людям вреда я не приносила...

И снова зарыдала. Рылеев и Цицерон обменялись взглядами. Цицерон пожал плечами. Рылеев же обратился к Амелите:

– Может, воды вам принести? У вас все в порядке?

Рыдая, Амелита закричала в пространство оперным сопрано:

– Боже мой! А что, похоже, что у меня все в порядке? Выгляжу нормально, пою нормально?

Она отделилась от рояля и направилась, спотыкаясь и покачиваясь, к логическому центру вестибюля. В этот момент раздался, и тяжелая люстра, оторвавшись от креплений, упала на пол и шумно разбилась вдребезги в двух метрах от Амелиты.

Амелита, Светлана, и Мими вскрикнули одновременно. Цицерон, Рылеев и Вадик бросились к Амелите, готовые оказать помощь. Удивленная госпожа Дашкова подняла голову от журнала и сказала:

– Ничего себе. Что это было?

Поправила очки и всмотрелась. Хихикнула, покачала головой, и снова занялась чтением статьи – оставался один только абзац.

Рылеев сказал Амелите:

– Вы в порядке, э ... – и умолк.

Повернув голову, Амелита посмотрела безумным взглядом на обломки люстры на полу. Перевела взгляд на потолок. Все последовали ее примеру. Амелита сказала:

– Боже мой.

Со стороны уличного входа в вестибюль вошел портье Василий в зеленой форме и кепке и белых перчатках. Увидев на полу люстру, он вплеснул руками и воскликнул, почти ис-

кренне:

– Батюшки мои!

Цицерон, присев на корточки возле обломков, поднял один из осколков и внимательно его осмотрел.

Госпожа Дашкова закончила читать статью, поднялась со стула и сказала:

– Ну, что ж, на сегодня волнений мне достаточно. Пойду вздремну. Кто-нибудь видел Зару? Вечно ее нет, особенно когда она нужна. Василий, кондиционер в этом столетии починят, или отложат до следующего?

Оторвавшись от созерцания разбитой люстры, Василий рапортовал:

– Ремонтники уже выехали, госпожа Дашкова.

Амелита снова принялась рыдать, будто повергнутая в отчаяние перспективой приезда ремонтников. Рылеев и Вадик попытались ее утешить. Рылеев даже положил ей руку на плечо, но она раздраженно отстранилась, подбежала к роялю, положила голову на крышку, и зарыдала в голос.

Цицерон, оставив в покое осколки, потрогал обрывки проводов. Посмотрел на потолок. Повернувшись к Василию, спросил:

– Лестница у нас в хозяйстве есть?

Василий кивнул:

– В подвале.

– Это хорошо.

– Принести?

– Да, принесите пожалуйста, *Василий*.

Василий ушел, что-то бормоча, а Цицерон снова устался на потолок.

Рылеев спросил:

– Что ты там высматриваешь?

Цицерон заложил руки за спину, пожал плечами, и сказал:

– Пятнадцать килограмм – максимальный вес, который может выдержать коробка. – Он жестом показал на люстру. – А эта гадость весит гораздо больше. Значит, есть система креплений: перемычки, держалка для крюка – вещи, которые по собственному почину за два года в негодность не приходят.

Он ухватил крюк люстры, подтащил его к себе, и начал осматривать. Рылеев на мгновение обмер. Видение, бухгалтерша Электра. Ну и денек.

Вадик посмотрел на него, потом на Мими, и, наконец, на жену Светлану. Та поднялась и направилась к нему.

Амелита меж тем перестала рыдать и попыталась наиграть на рояле мелодию. Остановилась и попыталась ту же мелодию спеть. И не попала в тональность.

Цицерон, поняв, что она сейчас снова зарыдает, сказал сквозь зубы:

– Еб твою мать.

Распрямился и пошел к роялю. Отстранив Амелиту уверенным жестом, он подтянул скамейку, сел на нее, и сыграл аккорд.

– С начала. Си минор. Нет уж, ты пой, пожалуйста, чего уставилась, тетка.

Ошарашенная Амелита вдохнула, посмотрела затравленно, и начала петь. После нескольких тактов голос ее начал вдруг обретать уверенность.

И тут в проеме, ведущем к лестнице, появилась – она.

Рылеев замер.

При виде Федотовой он всегда забывал обо всем на свете.

Ей было двадцать восемь лет. У нее были прямые светло-коричневые без рыжины волосы, большие синие глаза, и пропорциональное сложение. Несмотря на то, что в походка ее отличалась скорее атлетизмом, чем грацией, Рылеев, как всегда, восхитился этой походкой – на восьмом году брака он любил жену без памяти.

Она пересекла вестибюль улыбаясь, глядя только на Рылеева, видя только его, любя его, всегда любя только его.

Амелита с Цицероном продолжали петь и играть, потому что настоящее искусство превышает всего.

Поцеловав Рылеева, Федотова приблизила губы к его уху и спросила:

– Кто это тут люстру обрушил?

Рылеев вполголоса ответил:

– Сама упала. От избытка чувств.

– Ясно. А я думала, что Цицерон ненавидит музыку.

– Оказывается, не всю. Это только сейчас выяснилось.

– А Либерманы опять поругались?

– Светлана разбила Вадику планшет.

Федотова кивнула Светлане, поклонилась госпоже Дашковой, подмигнула Вадику (он покраснел), и не стала тревожить Цицерона и Амелиту. Рылеев, обняв супругу за талию, повлек ее к двери в бар.

Прошло минут пятнадцать.

Складная лестница высилась посередине вестибюля. Вадик слегка ее потряс, проверяя на устойчивость, и поставил ногу на первую ступеньку. Светлана, наблюдая за его действиями с безопасного расстояния, презрительно наморщила нос и с отвращением сказала:

– Ну и что это ты такое собираешься делаешь?

Вадик стоически проигнорировал презрение в голосе супруги и ответил:

– Просто хочу посмотреть.

– Посмотреть на что, имбецил?

– Посмотреть, что там случилось.

– Ты что, электрик?

– Света, прекрати.

– Хач попросил лестницу. Пусть хач и лезет. Ты свалишься и разобьешься, козел.

Вадик, сжав зубы, полез вверх по лестнице. И услышал снизу презрительное:

– Хорошо, я тебя предупредила.

На первый взгляд коробка и система креплений выглядели нормально. Из коробки торчали провода, порвавшиеся –

нет, разъединившиеся – нет ... их заматывали изоляционной лентой ... тоже нет ... надевали сверху пластмассовые коннекторы для оголенных проводов! ... Крепление ... перепилено? А это что такое?...

Вадик протянул руку, чтобы отодвинуть провода и рассмотреть получше. Раздался громкий треск, сверкнула искра. Вадик вскрикнул, укусил себя за руку, потерял равновесие, и съехал вниз до половины лестницы, хватаясь судорожно за ступеньки. Лестница наклонилась и начала заваливаться на сторону. Вадик прыгнул вниз, подвернув ногу, упал, перекатился, и отполз в сторону. Лестница рухнула на пол. Приняв сидячее положение, Вадик стал тереть поврежденную лодыжку. Светлана, встав рядом и уперев руки в бока, спросила надменно:

– Ну теперь-то ты видишь, какой ты тупой козел, блядь?

Вадик решил ей не отвечать.

Глава шестая. О любви

Не во всяком баре подадут вам хорошее вино! Накладно это и непрактично. Плохое вино может стоять открытое днями, и хуже не станет. А приличное, если заказчики не выпили сразу всю бутылку – выдохнется, и таким образом не окупится. Но в «Катькином Бюсте» хорошее вино имелось – в расчете на обитателей Прозрачности. Не всех. Захаживали – сам Рылеев, его жена, Цицерон, изредка Вадик. Остальные обитатели были непьющие, или же, как чета Кипиани, предпочитали пить в других местах («В азиатской обстановке с французской кухней» – язвил Цицерон. «Грызуны, что с них взять»).

Приятно пить в баре хорошее вино, представляя себе покатые горные склоны провинции Бордо.

Еще приятнее пить его в компании с девушкой.

И еще приятнее – в компании с женой, которую любишь, и которая отвечает тебе взаимностью, и нет у вас друг от друга никаких тайн, не лелеете вы задних мыслей. А у жены – милостивое лицо, мраморные плечи, упругие груди, умопомрачительные колени, желанная ступня – все это можно созерцать не стесняясь ... талия, правда, не очень тонкая, а жопа недостаточно округлая, слишком спортивная, но эти недостатки вызывают умиление, а не раздражение. А жена смотрит на тебя веселыми глазами. И говорит:

– Мне нужно в спортзал. После этого я вся твоя, мой повелитель.

А ты отвечаешь:

– А разве вы, баронесса, прибавили в весе? Уж не становитесь ли вы...

Она предупредительно нахмурилась.

– Ох не надо.

– ... толстой? Массивной? Жирной? Я все равно буду любить каждый квадратный сантиметр вашего тела, баронесса.

Она сбросила один туфель и поставила босую ногу ему на колено. И чарующим голосом сказала:

– Удивительно. Столько времени прошло, а я тебя обожаю, как девчонка. За что ты меня...

– Не искушайте судьбу, баронесса, – строго сказал Рылеев.

Он взял ее за ногу, наклонился, приподнял юбку, и поцеловал восхитительное колено.

Рыцарь, подумай о безопасности женщины, которая тебе доверилась.

Рыцарь подумал и спросил:

– Ты уверена, что не хочешь завести телохранителей?

– Я умею за себя постоять, мой повелитель.

Рылеев улыбнулся. Все мы тщеславны, любим хвастать. Но – видение, бухгалтерша. Он сказал:

– Да, конечно, Мисс Спецназ. Но время берет свое. Навыки покрываются ржавчиной.

– Будешь меня раздражать – попрактикуюсь на тебе. А вот

тебе, кстати, неплохо было бы таскать с собой в поездки каких-нибудь ухарей. Для моего спокойствия. Я дала тебе петькин телефон.

– Добрый старый Петька, бывший коллега баронессы, с большим боевым опытом.

– Это что же, ревность, мой повелитель?

Она подвигала босой ногой вверх-вниз по его бедру.

– Возможно. Да. Да, это ревность, Федотова. Что ж я – не имею права? Урод твой Петька. Очкарик лысый.

Она обняла его и поцеловала в губы. Не отрываясь от него, сказала:

– Я дала повару выходной сегодня и завтра.

Притворяясь, что шокирован, Рылеев спросил:

– Ты сама пригостишь обед? Лично?

– Хотелось бы сегодня вечером выйти куда-нибудь. Ладно, в спортзал я пойду потом. А сейчас...

– ... мы пойдем домой...

– ... и будем говорить друг другу скабрёзности до полной потери контроля.

Он сгреб ее со стула и приподнял за талию, так что ее грудь оказалась на уровне его лица. Она захихикала мелодично, и Рылеев засмеялся.

В вестибюле было пусто. Обитатели разошлись по квартирам. Лежала разбитая люстра, и рядом с ней поверженная лестница.

Госпожа Дашкова присела на край кресла с чашкой чая.

В гостиной госпожи Дашковой имелась каминная полка с фарфоровыми поросятами, а над ней картина маслом на холсте, в раме, изображающая госпожу Дашкову в зрелом возрасте – а была госпожа Дашкова в то время очень даже ничего.

По телевизору шла программа новостей. На заднем плане торчала электростанция в каком-то южном регионе, и возле нее – толпа рабочих. Рабочие присутствовали также на среднем плане, а некоторые толклись вокруг репортерши лет тридцати, уверенной в себе женщины, говорившей в микрофон:

– ... и в результат был – десять тысяч увольнений.

Она повернулась к одному из рабочих и спросила:

– Вы здесь работали?

Рабочий, которому очень хотелось сказать самое важное, но он боялся, что не подберет нужных слов, ответил:

– Ну, типа, я тут годами работал, короче. Я и мои друганы тоже. Мы работали в этой компании с самого начала.

– Какие у вас перспективы? Надеетесь найти другую работу?

– Не знаю. Короче, не очень, перспективы, да? Работы нигде нет, прикинь. Все так говорят.

– Спасибо.

Госпожа Дашкова хмыкнула, держа чайную чашку на уровне губ. Отхлебнула чай. И позвала:

– Зара! Зара!

Зара, темноволосая женщина за тридцать, вошла в гостиную.

– Видела? – спросила ее госпожа Дашкова. – Смотри.

И кивнула по направлению к телевизору.

Зара сказала с кавказским акцентом:

– Да, видела, госпожа Дашкова.

– Тоже самое будет с тобой, когда я тебя уволю, если ты не прекратишь быть тупой кавказской коровой и не будешь меня слушаться.

– Хорошо, госпожа Дашкова. Я буду вас слушаться.

В рылеевской квартире время расплылось, и не очень понятно было – стоит оно на месте или течет очень быстро. В главной гостиной, стилизованной под ранчо, висела на стене деревянная маска какого-то очень серьезного индейского вождя. На стойке бара (бар соорудили по чертежу самого Рылеева) стоял открытый ноутбук, лежали бумаги, а рядом поместился недопитый бокал – вчера Рылеев решил лично перепроверить, что наворотили его подчиненные за пятницу – они часто ошибались в предвкушении викенда. Федотова в гостиную с вечера еще не заходила, а уборщице велено было к бару не подходить никогда.

Федотова перестала постанывать и замерла на краю постели, свесив вниз руку с длинными пальцами. Влажные волосы разметались по простыне. Рылеев осторожно, чтобы их не придавить и не сделать жене больно, нашел место, куда упереть локоть, приподнялся, и принял сидячее положение.

И тут же снова приник к гладкой, приятно пахнувшей спине жены, и стал целовать ей позвонки, один за другим.

– Подожди, передохнем, а то я чокнусь, – сказала Федотова.

– Чокнись, – разрешил Рылеев. – Я уже вполне чокнулся. И сейчас укушу тебя за пятку.

Она никак не прореагировала. Пришлось действительно переместиться и укусить. Совсем слегка.

– Идиот, – сказала Федотова.

Тогда он стал целовать ей пальцы на ноге, и она плавно убрала ногу, согнула в колене.

– Перерыв, – сказала она устало. – Если ты меня сейчас начнешь щекотать, я сверну тебе шею.

– Ну вот еще, – возмутился Рылеев. – Не смей!

И стал ее щекотать.

Она захохотала, рванулась, оттолкнула его, и соскочила с постели. Рылеев сделал постное лицо.

– Пить, – сказал он.

– Пьяница.

– Сама такая.

Она подошла к зеркалу, схватила щетку, и стала расчесываться.

Рылеев прикрыл глаза, и его посетило еще одно видение – третье за один день. Он увидел пожар.

Пожар полыхал в их квартире. На стене сквозь языки пламени отчетливо выделялась маска индейского вождя.

В середине комнаты, привязанный к стулу, сидел человек. Видна была только его спина. Пол и возраст определить невозможно. Рылееву захотелось закричать – «Нет!»

Возможно, он и закричал. Потому что когда открыл глаза, увидел прямо перед собой встревоженное лицо Федотовой.

– Рылеев, ты что? Что с тобой?

Он зажмурился, снова открыл глаза.

– Нет, ничего. Сколько времени?

– Часа четыре. Чего ты кричишь?

– Я кричал?

– Да..

– Нну ... Не знаю. Уснул, наверное, и что-то приснилось.

– Ты за секунду не засыпаешь.

– Все нормально, баронесса. Я люблю тебя.

– А я тебя. Точно все нормально?

– Точно. Мне нужно сходить ... сколько времени сейчас?

– Часов семь.

– Мне нужно сходить кое-куда. Часа на полтора.

Она не стала спрашивать зачем и куда. Захочет – сам скажет, он такой. Нужно – значит нужно.

Быстро ополоснувшись в душе, Рылеев оделся, проверил карманы – ключ, бумажник, телефон. В белом купальном халате, бесконечно желанная, Федотова вышла из гостиной.

– Через час вернусь, – повторил Рылеев. – Может и раньше. Пойдем куда-нибудь сегодня, да?

– Хмм, – сказала Федотова, играя бедрами.

– Не скучайте, баронесса.

Он привлек ее к себе и поцеловал в нос. Она свела глаза к переносице и надула щеки. Рылеев засмеялся, а Федотова захихикала.

На улице было светло, но пустынно. Возможно по телевизору шел какой-то интересный сериал или матч, а может день у всех выдался тяжелый, даром что суббота. Ну, на Невском и поперечных наверняка народ, но по пути к церкви, около двух километров, Рылеев встретил человек пять. Дул вечерний ветерок.

Вечерня давно закончилась. Священник – молодежавый и смешливый – вышел из-за алтаря. Больше в церкви никого не было.

Стало спокойнее на душе. Речь этого священника – плавная, свободная – внушала уверенность в поправимости всего на свете. Тем не менее, Рылеев, слушая, оставался серьезен, сосредоточен.

– ... обыкновенная история, – говорил священник. – Перестроили церкву в спортивный клуб при Советах, а потом, после Советов, пытались там что-то открывать, проводить. Оказалось нерентабельно. Делать историческим памятником – процесс долгий и дорогой. Проще снести и место использовать. Церковная администрация и забыла давно, что там когда-то церковь была...

– Не забыла.

– Нет? Ну, значит, взятки в ход пошли. После этого при-

бывают рабочие с кирками, а потом и экскаватор. И на этом месте строят что-то другое. Так?

– Примерно так, – Рылеев кивнул. – С оговорками.

Священник подозрительно на него посмотрел.

– Вы не католик, часом?

– Я отступник.

– Я не об этом.

– Православный.

– А, ну тогда понятно. Василий Рылеев, не так ли?

– Откуда вы знаете?

– Был еще католик, с похожим делом. Вы, Рылеев, легенда в некоторых кругах. Вы собирались стать священником, но передумали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.